

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Шипицына Г. М., д-р филолог. наук, проф.,
Геращенко М. Б., канд. филолог. наук, ст. преп.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЖИЗНИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ*

Shipitsina@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются различные изменения в языке. На материале лексики показан процесс перемещения слов в советский период в пассивный запас словаря и последующее возвращение этих слов в активное употребление в конце XX – начале XXI веков. Прослеживается отражение этих процессов в толковых словарях различных исторических периодов.

Ключевые слова: языковая динамика, архаизация, пассивизация, активизация, значение слов, лексика, коннотация, факторы реактивизации.

Вслед за изменениями в жизни общества, политики, производительных сил, культуры, науки и т.д. происходят изменения в языке. Язык всегда мобилизован на адекватное отражение действительности, поскольку всё происходящее требует своих обозначений и оценки явлений и предметов действительности средствами языка. Вследствие этого язык представляет собой довольно подвижную, динамическую систему, в которой изменения согласуются с устойчивыми тенденциями и процессами, не меняющимися под влиянием происходящих в отдельный исторический период преобразований в обществе и тем более под влиянием ситуационных событий и фактов. Устойчивость основного языкового фонда обеспечивается консервативностью грамматического и фонетического строев языка, поскольку их развитие сводится к весьма замедленному изменению отдельных фактов и отдельных языковых средств и единиц. Такое изменение может растянуться в своем развитии на тысячелетия, к тому же оно может происходить по-разному (как в сроках, так и в результатах) в территориальных и социальных разновидностях национального языка. Так, в

фонетическом строе древнерусского языка был звук [e] закрытый (в одних говорах) и звук-дифтонг [ie] (в других говорах), обозначавшийся буквой кириллического алфавита – ѣ (ять).

Например, в корнях слов *лѣсъ* (лес), *дѣдь* (дед), *лѣчити* (лечить) и некоторых грамматических формах, в частности, в окончаниях имен существительных *въ столѣ* (в столе), на

роуцѣ (на руке). В устной речи постепенно этот звук утрачивался, совпадая с другими гласными звуками по произношению: в новгородских говорах и говорах на территории современной Украины он совпал со звуком [u], потому в Украине говорят *літо*, *пісня*, *сіно*, *дід*, *річка*. В средней и южной части России звук, обозначавшийся буквой ять, к 18 веку совпал по произношению со звуком [e], а в северных говорах он сохранился в неизменном виде. Интересно, что М.В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1757 год опубликования), упрекал россиян, что они допускают ошибки в написании слов с буквой ять и пишут вместо буквы ять букву е. Это означало лишь то, что М.В. Ломоносову, как в прошлом жителю русского Севера, нетрудно было различать слова с е и с ять, а уроженцы иных территорий самостоятельного звука, обозначавшегося буквой ять, уже не ощущали, потому и путали написания слов с ять и с е. Тем не менее в правильной письменной речи наши предки должны были писать букву ять в словах, где когда-то она обозначала особый звук, естественно, слова с буквой ять надо было заучивать. Ять продолжали писать еще более двух веков, пока реформа графики и орфографии 1917 – 18 годов не исключила эту ненужную уже букву из русского алфавита. Этой же реформой буква ъ была исключена из написания в конце слов на твердый согласный, поскольку еще в 12 веке утратился сверхкраткий гласный звук, ею обозначавшийся (то есть несколько веков наши предки ставили в конце слов совершенно ненужную букву ъ по тради-

ции). Утрата же звука, обозначавшегося буквой ъ, тоже происходила медленно и неровно, с разными последствиями в различных диалектах древнерусского языка.

Что касается словарного фонда русского языка, то здесь дело обстоит иначе. Лексика языка в целом весьма подвижна, причем, в периоды бурных потрясений в обществе, происходящих в нем катаклизм, особенно политического и экономического характера, она может изменяться настолько быстро, что словари не успевают фиксировать эти изменения. В то же время каждый период развития лексического фонда нашего языка по-своему интересен, поскольку наблюдения за языком помогают осмыслить исторические процессы, происходящие в жизни носителей языка. Ведь язык закрепляет своими названиями всё существующее, концептуализирует понятия. В языковых названиях отражается как сущность явлений, так и отношение носителей языка к этим явлениям.

Рассмотрим изменения в словарном составе языка новейшего времени на материале лексики, возвращенной в активное употребление в XXI веке, но находившейся в недавнем прошлом в пассивном запасе словарного состава (научный термин для обозначения возвращенной в употребление лексики – реактивизированная лексика).

Итак, в конце XX века и в начале XXI века реактивизировалась та часть лексического фонда, которая в советское время (с 1920-х по 1990-е гг.) находилась на периферии общественного сознания, информационного и коммуникативного пространства (т.е. ранее подверглась пассивизации). Обратим свое внимание на лексические единицы, обозначаемые в лингвистике термином «архаизмы». Архаизмы уходят из активного употребления носителями языка в его пассивный запас потому, что они новым поколением людей заменяются другими словами, а обозначавшиеся архаизмами явления, факты, предметы сохраняются, хотя и не всегда в неизменном виде. В наше время устаревание таких названий может происходить очень быстро и по разным причинам. Сами причины такого мгновенного устаревания старых названий довольно разнообразны и интересны, некоторые из них демонстрируют особенности национального восприятия мира, т.е. отражают картину мира народа, сложившуюся как в этносе в целом, так и в его отдельных группах (профессиональных, корпоративных, возрастных, гендерных и т. д.) под влиянием изменившихся оценок и ценностей, культивируемых в обществе. Рассмотрим процессы перехода слов из активного запаса словарного состава в пассивный и последующего

возвращения этих слов из пассивного запаса в активный.

В советский период архаизировалась весьма значительная группа слов в связи с пропагандой отчуждения от Запада и последовавшее за ней неприятие обществом понятий и реалий, связанных с современной зарубежной жизнью и отчасти с дореволюционным временем России. В конце XX – начале XXI века произошла смена приоритетов, которая выразилось в обществе в противоположной оценке ранее осуждаемого образа жизни эксплуататорских классов: многие современные россияне живут или хотели бы жить в комфортных условиях, как, по их мнению, живут люди на Западе и жили привилегированные слои общества дореволюционной России. Потому прежние названия самых разных фактов, явлений и понятий возвращается в активное употребление. Благодаря этому образуется своеобразный лексический фон новой жизни, наследующей традиции старой эпохи, в чем-то оказывающейся более привлекательной, чем недавнее советское прошлое. Например, *акциз, банкир, гильдия, гимназия, губернаторство, гувернер, департамент, дума, кадет, маклер, меценат, чиновник, экономка, бизнес, вердикт, волонтер, ипотека, коммерция, либерализм, магнат, миллионер, муниципалитет, парламент, парламентарий, предприниматель, спикер*. В некоторых словах этой группы изменился и оценочный ореол значения, поскольку многими современниками обозначаемые этими словами понятия уже не воспринимаются как негативные и неприемлемые.

Эту тенденцию можно проследить по словарям, и мы рассмотрим её на примере слова *либерализм*. Политическое течение, обозначаемое этим словом, для советского официального миропонимания было неприемлемо как противоречащее принципам диктатуры пролетариата, что и отражают толковые словари той эпохи. В частности, даже основное значение слова *либерализм* в словарях советского периода истолковывалось с элементами отрицательной коннотации идеологического типа. В дефиниции значения № 1 по ТСУ (1935 – 40 гг): «Книжн. Система политических идей, взглядов и стремлений, свойственная идеологам промышленной буржуазии эпохи ее подъема, отстаивающая, трусливо и непоследовательно, политику свободы в интересах «свободы приобретения» и эксплуатации пролетариата». В дефиниции подчеркивается, что стремление к свободе у либерализма сводится всего лишь к свободе приобретения и свободе в эксплуатации пролетариата. И то и другое враждебно идеологии большевизма, направлено против интересов пролетариата.

Желание приобретения чего бы то ни было также противоречит коммунистическим идеалам, нацеленным на минимизацию в имуществе и потребностях истинного пролетария и коммуниста. Коммунистическая партия воспитывала в народе презрение к жизненным благам и богатству. Так что либерализм провозглашался вредной и враждебной политической системой, к тому же политику свободы он отстаивает *трусливо и непоследовательно*.

В МАС (1957 – 61 гг.) определение основного значения слова *либерализм* также сопровождается отрицательными коннотациями: «Политическое направление, отстаивавшее свободу буржуазии в феодально-крепостническую эпоху и в эпоху буржуазных революций, ставшее глубоко реакционным с установлением ее политического господства и развитием революционной борьбы пролетариата». Оценка этого политического направления выражена уже книжным языком стандартной политической пропаганды – *ставшее глубоко реакционным*. Однако где именно, в какой стране и когда установилось господство этого политического течения, – не сказано, поэтому читателям словаря анализировать его на фоне диктатуры пролетариата невозможно.

Неосновные значения слова *либерализм* в словарных определениях советского времени не оставляют никакого сомнения в исключительной вредности и враждебности обозначаемого этим словом политического направления, неприемлемого для трудящихся страны советов. В ТСУ неосновные значения слова таковы: значение № 3 – «Буржуазное щегольство терпимостью, свободолобием (*устар. ирон.*)». Смысловым ядром дефиниции оказывается словосочетание *буржуазное щегольство*. Щегольство вообще неприемлемо ни в какой форме для социалистического образа жизни, а если оно еще и буржуазное, то, безусловно, враждебное. Тем самым обвинение в либерализме по отношению к лицу или явлению в советский период становится стандартной формой увещевания, политического воспитания, доказательства идеологической незрелости кадров. Эта новая функция слова *либерализм* становится стандартной, что и отражено в ТСУ в значении № 4: «Преступная снисходительность, попустительство (*нов. неодобрит.*)». Стилистическая помета *неодобрит.* даже слишком мягкая, поскольку снисходительность *преступная*, то есть такая, которая может повлечь за собой политическое или уголовное преследование в законном порядке как и всякая преступная деятельность. Итак, словари советского периода отражают архаизацию значения

слова *либерализм* под влиянием господствующей идеологии большевизма.

В постсоветский период идеологические запреты на политические течения, объявляемые ранее буржуазными, а потому вредными и преступными, сняты. Новейшее время характеризуется ностальгическими обращениями к прошлому с его разнообразием политических идеологий. Бывшее (досоветское) значение слова во многом реанимируется, что и сопровождает возвращение слова *либерализм* в активное употребление без отрицательных коннотаций. В связи с этим интересно посмотреть на преемственность словарных дефиниций нового времени и дореволюционного периода. В словарях, изданных, а также созданных до 1917 года: «Учение, противоположное консерватизму, стремление к общественным реформам, имѣющимъ цѣлью свободу личности и общественную» (СЯ, 1905 г.). «Свободомыслие; стремление освободиться отъ традиционныхъ предразсудковъ въ области религіозной, политической, общественной жизни и отъ личнаго произвола» (СЛА, 1906 г.). «Свобода мыслей; политическое ученье, отстаивающее свободу народа и необходимость прогресса» (СПИ, 1917 г.).

Похожее понимание либерализма характерно и для постсоветского времени, что отражено в новейших толковых словарях конца XX – начала XXI веков: «Идеологическое и общественно-политическое течение, объединяющее сторонников парламентского строя, широких политических свобод и частного предпринимательства» (БТС, 1998 г.); «Одно из влиятельных общественно-политических течений, в центре внимания которого находится понятие свободы человека от социально-политических форм контроля со стороны государства» (ТСЯИ, 1998 г.; ТСХХI, 2007 г.). Коннотации в дефинициях положительные, соответствуют духу новейшего времени и в семантическом плане вполне согласуются с определениями этого слова в словарях дореволюционного времени. Негативная оценка понятия «либерализм» современными идеологами общества полностью снята, заменена позитивной оценкой, что и отразилось в словарных дефинициях словарей конца XX – начала XXI веков.

Аналогичные изменения пережила семантика и других слов, по-разному воспринимавшихся обществом (или пропагандистами господствующей идеологии) в разные исторические периоды жизни России. Слова, переместившиеся в советский период в пассивный лексический фонд, приобрели в составе значения коннотативные компоненты и приращения смыслов негативного характера, что нашло отражение в

словарных пометах статей различных толковых словарей периода 1920-1990 гг. Например: *банк-ир-0* – крупный акционер или владелец банка в капиталистических странах (МАС); *клерк-1* – в некоторых странах: конторский служащий; *клерк-2* – в средневековой Англии и Франции: духовное лицо (БТС). Компоненты значения такого рода являются семантическими ограничителями, связанными с обозначением сферы употребления слов в советский период жизни российского общества. Иные словарные пометы (*устар.*, *пренебр.*, *нов.*, *полит.*, *экон.*, *капитал.*, *церк.*, *книжн.*, *фин.*, *торг.*, *религ.*, *высок.*, *офиц.*, *торж.*), также сопровождающие толкование слов, лимитируют их употребление в связи со стилистической окраской.

Для реактивизации таких слов был необходим определенный внешний фактор воздействия. Такими стимуляторами реактивизации архаичных для советского периода слов выступают несколько факторов. Рассмотрим некоторые из них.

Фактор реактивизации 1 – возвращение в жизненную практику понятий и реалий, обозначаемых архаизировавшимися в советский период лексическими единицами. Бывшие архаичными слова бытовой сферы номинации вновь вошли во всеобщее употребление. Например, *Требуется экономка... Состоятельная семья примет на работу домашнюю работницу... Нужна гувернантка с высшим образованием, такие объявления сегодня нередки на рынке труда...* (Пензенская правда, 20.10.2006). Академик В.В. Виноградов справедливо замечал, что «перерыв в употреблении слова еще не исключает его пассивного восприятия и понимания в памятниках письменности» [1, с. 23].

Фактор реактивизации 2 – возникновение аналогичных жизненных реалий на основе сходства (или желания имитировать это сходство с помощью языка) с ранее исчезнувшими реалиями. Например, в ходе ликвидации в 1993 г. параллелизма властных структур был устранен один из элементов административно-командной системы управления советского периода – советы. Впоследствии произошла замена этого элемента знаковой социокультурной системы (советы) на старую, дореволюционную форму правления – думу, что мгновенно реактивизирует бывшее архаичным значение слова *дума* как название нового органа высшей государственной власти России.

К влиянию этого фактора можно отнести устойчивую тенденцию в отечественном языковом строительстве к замене названий объектов, в чем-то скомпрометированных, вызывающих неприятные воспоминания или не отвечающие

духу времени. По этой причине у нас постоянно меняются названия населенных пунктов, улиц, учреждений и т. п. Желанием забыть старые прегрешения, начать правильную жизнь с чистого листа объясняются и замены названий различных общественных структур. Таким путем часто создается иллюзия качественного обновления объекта номинации. В случае действительно произведенных качественных изменений в объекте номинации для презентации объекта в новом облике также используется его переименование. Например, словом *полиция* по этой причине переименована теперь бывшая милиция с надеждой на то, что новое название закрепит ее обновленный статус, изменит нравы нашей милиции в лучшую сторону и вернет доверие населения к этой структуре.

Фактор реактивизации 3 – ориентация на западные модели управления государством и устройства общества, вызвавшая появление в России реалий или понятий, обозначаемых бывшими архаичными словами. Реактивизация соответствующей этому фактору лексики произошла в тот исторический момент, когда для обозначения новых явлений российского общества понадобились иноязычные слова, ранее (в советский период) использовавшиеся для описания реалий западных стран. Например, *Скромный ланч, и на озеро, где отдыхающие стирают белье, а они, волонтеры, будут восстанавливать старинный причал* (НТВ. 31.07.2007, 20:33). *Президент убежден, что у отечественного бизнеса появились здоровые амбиции и ресурсы для масштабных инвестиций* (РГ. Фед. вып. 7.02.2007).

Влияние фактора реактивизации 3 поддерживается тенденцией русского языка как одного из самых богатых мировых языков к унификации его словарных форм и значений аналогично другим высокоразвитым языкам, поэтому вполне закономерно именование возникших реалий по аналогии с иностранными образцами (*мэр, мэрия, президент, префект, департамент, муниципальный*). Еще и этим можно объяснить существование труднопреодолимой тенденции использования иноязычной лексики в сфере книжных стилей. Носителям языка проще и удобнее использовать известный иноязычный номинант, чем подбирать для него исконно русский эквивалент.

Фактор реактивизации 4. Это социальный процесс, происходящий в современной восточной и центральной Европе, – расслоение прежде сравнительно однородного населения по имущественному признаку [2, с.156]. Исследователи говорят о «всеобщей переоценке ценностей» и «расщеплении коннотаций»: в связи с идейной

дифференциацией общества одни и те же слова приобретают для разных групп разные оценочные коннотации [2, с.155]. В связи с этим в описаниях языковых изменений появляется такое понятие, как «корпоративное оценочное значение». Оценочные характеризующие семы, которые приобретаются словами, в большой мере зависят от того, какое место в соответствующей сфере деятельности занимает коммуникант. Например, для людей, сумевших успешно овладеть техникой предпринимательства в новых условиях, слова *бизнес, коммерсант, приватизация* являются символом их общественного положения, частью их имиджа и потому имеют для них яркую позитивную содержательную окраску. С другой стороны, у части людей, «не вписавшихся» в новые условия жизни, эти же слова вызывают мысли и чувства, формирующие противоположную оценку. Данное явление И.А. Стернин называет «семантической дубликацией», при которой целостное значение лексемы раздваивается и превращается в употреблении в две отличающиеся по смыслу семантические единицы, функционирующие в различных социальных группах [3]. *Прошло то время, когда при слове "банкрот" приличные люди морщились или сочувственно качали головами. Становиться банкротом ныне... выгодно. Во всяком случае именно на банкротство делают ставку некоторые руководители предприятий* (РГ. 20.10.2005).

Итак, реактивизация рассмотренных групп лексики как экспликатор социальных параметров языковой жизни в большинстве своем обусловлена причинами экстралингвистического порядка, обозначенными нами в перечне факторов реактивизации. Внешние стимулирующие воздействия приводят в действие собственно языковые механизмы. «Эволюционные процессы в языке представляют собой «самонастройку» языка в ответ на изменения во внешнем мире, т.е. форму связи языка и внеязыковой реальности» [4, с.186]. Безусловно, имеет место и тенденция к экономии языковых средств и усилий носителей языка на их создание путем возвращения слов из пассивного запаса в активное употребление.

**Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (з/к № 16.740.11.0295).*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. № 1. – С. 5 – 37.
 2. Савицкий Н. П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст: сборник статей. – М.: ИРЯ, 1996. – С. 155-158.
 3. Стернин И. А. Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Под ред. И.Т. Вепревой. – Екатеринбург: Арго, 1997. – С. 82-88.
 4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 205 с.
- Словари : БТС – Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. – Рос. акад. наук, ин-т лингвистич. исслед. – С.-Пб.: Норинт, 1998; МАС – Словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957-1961; СПИ – Словарь (политические и иностранные слова). Сост. Н. Гомартели и М.Марков. – М.: Изд-во «Живое Слово», 1917; СЛА – Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов. Сост. Ачадов. Вып. 1. – М.: Книгоиздательство Е.Д. Мягкова «Народная мысль», 1906; СЯ – Словарь иностранных слов и научных терминов. Сост. А.Е. Яновский. – Вып. 1, 2. – СПб., 1905; ТСХХI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2007; ТСУ – Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. В 4-х томах. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940; ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складневской. – С.-Пб.: Фолио-Пресс, 1998.